

РЕЦЕНЗИИ

Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.) Новосибирск, 2001.

Рецензируемая монография написана томскими литературоведами, труды которых широко известны филологам-профессионалам и любителям российской словесности. Тема, вынесенная в заглавие книги, имеет для науки особое значение, поскольку открывает новые исследовательские горизонты, предполагая существенную корректировку долгое время бытовавших ложных взглядов на русский литературный процесс в целом и на отдельные творческие индивидуальности, в этот процесс включенные. При этом следует сразу подчеркнуть, что труд Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой выгодно отличается от появившейся в последнее время конъюнктурной продукции с аналогичной тематикой своей академической фундаментальностью и основательной теоретической разработкой сложных проблем и вопросов.

Во вводной главе авторы монографии отметили, что толчком к исследованию указанной темы «послужил сам литературный материал», который ими изучался и в прошлые годы. Это, на первый взгляд, проходное замечание имеет в данном случае принципиальное значение, так как характеризует строгий научный подход к предмету анализа. Авторы не стремятся отыскать какую-либо «модную» концепцию, чтобы через нее путем «наложения» интерпретировать конкретный материал. Авторитетность исходного текста в широком смысле этого слова для них играет основную роль. Она и определяет достоверность научных выводов.

Авторы монографии базируются при этом на фундаментальном положении о типе русской культуры, носящей православно-христианский характер и, как отмечал еще Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа», устремленной к постижению «религиозной истины». Поддерживал эту идею и наш известный религиозный философ Г.П. Федотов, писавший, что, «невзирая на холод целого века Просвещения, подпочва русской жизни была и долго еще оставалась религиозно горячей». По сути, русская литература XIX века и выросла на почве, обогреваемой этим «подземным теплом».

Углубляясь в указанную проблему, авторы монографии, что совершенно справедливо, выдвинули на первый план творческую индивидуальность В.А. Жуковского, рассматривая ее в контексте русской романтической литературы и культуры. Но русский романтизм, как известно, при всей своей самобытности в сильной степени подпитывался шеллингианской философией. Однако в этом пункте не возникало каких-либо коллизий между немецким влиянием и русским православием, ибо, как отметил упомянутый ранее Г.П. Федотов, «царский путь» русской мысли шел от немецкой философии к христианству. Шеллингианская идея «тождества» предполагала единство «материального» и «духовного» и конечную вселенскую гармонию. Все эти моменты не противоречили христианскому вероучению, а для романтического искусства имели основополагающее значение. Однако заметный сдвиг именно в сторону религии у русских писателей и мыслителей произошел, как отмечают исследователи, в 30-40-е годы, когда они ощутили неспособность немецких философов «соединить реальное, действительное и идеальное» (с.7; здесь и ниже ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках с указанием страниц). Жуковский в условиях этого «кризиса»

сохранил в своем творческом сознании идею соединения «духа и бытия», преодолевая тем самым концепцию «двоемирия».

Авторы работы убедительно доказывают особо значимый смысл соединения в поэзии и прозе Жуковского материальной и духовной сфер. Этот смысл заключается в том, что через «мир сущий», по богословским понятиям, можно постичь божественное начало, если вполне довериться бытию. И Жуковский, как отмечают авторы монографии, целенаправленно стремится постичь «духовную силу» Бога и поэтически ее воплотить в образах «таинственного» и «невыразимого», которые связывают мир «дольный» и мир «горный». В этом отношении поэт выглядит как правоверный христианин, поскольку выраженное им в слове мироощущение и миропонимание точно соотносится с позицией христианского мистического богословия. В подтверждение приведем высказывание православного богослова В.Н. Лосского: «...Бог пребывает там, куда наши знания, наши понятия не имеют доступа. В нашем духовном восхождении только все более и более достоверным образом открывается абсолютная непознаваемость Божественной природы. Все более и более к ней устремляясь, душа непрестанно растет, из себя выходит, себя превосходя, в жажде большего; так восхождение становится бесконечным, желание – неутолимимым» [Лосский, 1991, с. 29].

Поэзия Жуковского в ее «вечном» стремлении разгадать Божественную суть земного бытия соотносилась со многими проблемами, которые решались так или иначе многими деятелями русской литературы и искусства. В этом отношении духовное наследие Жуковского представляет собой эпохальную типологическую «модель». Во вводной главе авторы четко прописывают направления нравственно-эстетических исканий наиболее характерных творческих личностей, органично связанных с религиозным духом произведений Жуковского. Авторы закономерно выделяют фигуру «позднего» Гоголя и соответствующее «сопровождение» в лицах таких деятелей, как Г.С. Батеньков и А.С. Стурдза. Функционально они проясняют историческое значение роли Жуковского в формировании русской духовной культуры XIX века.

Если посмотреть на вводную главу с методологической точки зрения, можно констатировать, что авторы внесли значительные коррективы в понимание литературного процесса первой половины XIX века. Опираясь на собственные исследования и учитывая положительный опыт коллег, они утвердили значение не только поэтического, но и духовного наследия Жуковского, повлиявшего на многие стороны литературной и культурной жизни России. Чтобы понять значение этой позиции авторов, полезно вспомнить, в каком «захолустье» пребывал Жуковский в сознании советской литературной общественности. В связи с этим необходимо оценить и трактовку творчества «позднего» Гоголя, выведенного авторами из густой критической тени марксистского литературоведения.

В следующих главах развиваются и углубляются главные теоретические тезисы, сформулированные во введении. Ф.З. Канунова посвятила отдельную главу системному рассмотрению творческих взаимоотношений Жуковского и Гоголя. Она выделяет и анализирует сходство позиций обоих писателей, их увлеченность «святоотеческим любомудрием», которое привело к «цельному знанию» на основе религиозной веры. Опираясь на материалы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, Ф.З. Канунова подробно исследует такую важную проблему, как соотношение художественного и религиозного сознания. В аналогичном аспекте рассматриваются и библейские сюжеты в романтической прозе Жуковского. Этой теме посвящена глава, написанная И.А. Айзиковой, в которой читатель может найти массу свежих наблюдений, основанных на анализе раритетных источников. Основой исследования является перевод Жуковским повести Ж.-Ж. Руссо «Левит Ефραίмский», содержание которой восходит к Библейскому тексту. Значение перевода состоит в том, что он представляет собой «одно из ранних об-

рашений поэта к работе с библейским сюжетом» (с. 43). Автор сравнивает три варианта текста: основной – библейский и два литературных, являющихся модификациями основного. Теоретическая задача, которую решает И.А. Айзикова, состоит не только в том, чтобы обнаружить религиозные корни прозы Жуковского, но и показать, как он понимает и трактует проблему общественной и нравственной гармонии, выдвигаемую и разрабатываемую в ветхозаветной «Книге Судей». Эта часть исследования очень важна, поскольку затрагивает проблему, характерную и для романтиков, особенно шеллингианской ориентации. В данном случае, пожалуй, следовало только уточнить функцию текста-посредника (Руссо) и пояснить некоторые детали, связанные библейским текстом, особенно значение слова «левит».

В общем стратегическом плане монографии следует выделить главы, которые раскрывают творческие взаимоотношения В.А. Жуковского с Г.С. Батеньковым (автор Ф.З. Канунова) и А.С. Стурдзой (автор И.А. Айзикова). Две значительные исторические фигуры – декабрист и монархист – высвечивают позицию Жуковского, который находясь в системе «большого диалога», органично ассимилировал и диалектически сочетал различные подходы к проблеме духовного мироустройства и нравственной гармонии человека и человечества. Потрясающая драматизмом судьба Батенькова, с которым Жуковский был совершенно согласен «в образе мыслей», закономерно привела его к постижению Бога. Ф.З. Канунова отмечает, что «романтики 40-х годов Жуковский и Батеньков приходят к пониманию той доминанты личности, которая проявляется через непосредственное общение с Богом...» (с. 126). Индивидуальное постижение Божественного начала связывается у поэта, по замечанию автора главы, с формированием «внутреннего образа», выражаемого «Словом». Это «Слово» было настолько значительно, что Батеньков без всякого сомнения констатировал: Жуковский как художник «занимает уникальное место в истории русской литературы» (с. 127). Следует при этом отметить, что автор главы сумел не только показать масштаб творческой личности Жуковского, но и значение его «спутника» в упорных и самоотверженных исканиях духовного идеала.

Значительно сложнее было ввести в контекст русского литературного и культурно-исторического процесса сочинения Стурдзы, при этом ввести так, что они обнаружили позитивный вектор духовных поисков Жуковского. Перед автором главы в этом отношении возникла деликатная задача «реабилитировать» позицию религиозного мыслителя и политика, которого очень не жаловал, например, молодой Пушкин, сочинявший на его «монархически-библейские» выступления едкие эпиграммы. Советские комментаторы Пушкина также не щадили Стурдзу, а исторические энциклопедии и энциклопедические справочники делали вид, что такого лица вообще в России не существовало.

И.А. Айзикова преодолела сложившийся стереотип отношения к Стурдзе и приняла во внимание только факты, которые, как известно, обладают необыкновенным упрямством. Факты подтверждают влияние Стурдзы на Жуковского, который внимательно читал его сочинения и остро на них реагировал. Сама категоричность Стурдзы в богословских вопросах помогает исследователю прояснить религиозно-этическую позицию Жуковского, его духовную ориентацию. Автор главы свидетельствует, например, о том, что Жуковский *подчеркнул* фразу Стурдзы: «Существование Бога есть истина, не нуждающаяся в доказательствах» (с.138). В этом плане читателю представлено много фактов, которые дают возможность по-новому посмотреть и на поэтическое наследие «первого русского романтика». С методологической точки зрения обращение к духовной деятельности Стурдзы также имеет принципиальное значение. Рассматривая литературный и культурный процесс, исследователь не имеет права игнорировать явления, даже, может быть, «фоновые», которые играют определенную роль в формировании си-

стемы. Печальный опыт показал, какие «перекосы» возникали в освещении литературного процесса, когда изымались имена О. Сенковского, Н. Греча, Ф. Булгарина. Учет в этом плане наследия Стурдзы имеет положительный смысл. Думается, однако, что при всей очевидности и оправданности исследовательского пафоса автора главы, следовало бы несколько подробнее сказать о новом для читателя предмете в предваряющем главу вводном параграфе. Полезно было бы также более подробно объяснить читателю отношение поэта к религиозным конфессиям, о чем вскользь говорится в конце главы.

Концептуальное значение имеет и глава об «Агасфере» Жуковского, написанная Ф.З. Кануновой. Советские литературоведы обходили это произведение дружным молчанием, хотя к нему положительно отнесся почитаемый кремлевскими идеологами Н.Г. Чернышевский в рецензии на издание собраний сочинений поэта в 1857 году. Это сочинение в отношении ортодоксальной религиозной доктрины занимает особое положение. Оно представляет собой «апокриф», преодолевший хронологические и территориальные границы и под пером некоторых авторов обретший чисто светский характер. Однако в интерпретации Жуковского он сохранил правоверную христианскую основу. Она представляет собой евангельский текст (Евангелие от Иоанна, XXI, 22-23), в котором говорится о возможности оставить в живых до момента второго пришествия свидетеля крестных страданий Христа. Ф.З. Канунова убедительно раскрывает сложную диалектическую структуру этого по сути итогового для поэта художественного феномена

Финальным аккордом, своеобразным итогом является IX глава, в которой прослеживается работа Жуковского над Библией. Таким образом, заявленная в заглавии рецензируемой книги проблема находит логическое завершение. Новизна и актуальность предлагаемого материала открывают дальнейшие перспективы в этом направлении. Важно подчеркнуть, что труд Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой как монографическое целое состоялся, и будем надеяться, что этой акцией научные дерзания авторов не ограничатся. Славного продолжения!

Литература

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.

В.Г. Одинокоев

Новосибирский государственный университет

* * *

Душа города. Рецензия на сборник статей «Moscow and Petersburg. The city in Russian culture». Edited by Ian K. Lilly. Nottingham: Astra Press, 2002.

Рецензируемый сборник посвящен проблеме, которая стала популярной и актуальной в последние 5-7 лет. Нельзя сказать, что в отечественном литературоведении интерес к так называемым «городским текстам» возник *вдруг*, но, вместе с тем, приходится признать, что в изучении этого рода сверхтекстов есть заметные временные разрывы. Межа длиной почти в 60 лет пролегает между работами Н.П. Анциферова о литературных образах Петербурга и выпуском «Трудов по знаковым системам», Петербургу посвященных и содержащих важнейшие в плане изучения «городских текстов» статьи В.Н. Топорова [Топоров, 1984] и Ю.М. Лотмана [Лотман, 1984]. Ценность этих работ была признана филологами, но в течение десяти с лишним лет после их выхода сама проблема не обрела должного зву-

чания.

Живой широкий интерес к ней возник лишь во второй половине 90-х годов, когда отечественная наука и весь культурный слой населения России, в силу исторических перемен, были поставлены перед необходимостью выработки нового миро- и самосознания, что невозможно было сделать без опоры на некие важные точки, связанные с памятью культуры. Отсюда, видимо, и берет начало возникший в недавнее время повышенный интерес к такому явлению как «городской текст» русской литературы, связан ли он с образами городов столичных (Москва и Петербург), провинциальных (Пермь, Тюмень, Архангельск и другие) или зарубежных (Рим, Венеция, Париж), но усвоенных русским, российским сознанием и через него включенных в общерусский литературный и культурный контекст.

В зарубежной культурологии и филологии исследование города как текста, а также определенного места, локуса и образа его в национальной культуре и литературе имеет более давние и последовательные традиции, что, несомненно, сказалось на материалах сборника «Москва и Петербург. Город в русской культуре». Однако, думается, появление его есть, кроме прочего, отклик на те процессы, которые происходят ныне в культурной сфере России и параллельно им в российской филологии, отклик самобытный и адекватный, способный оставить след в изучении обозначенной выше проблемы.

Специфичность подходов сказывается в сборнике как на уровне тематики статей, так и в выборе материала, исследовательской манеры и т.д. Широка темпоральная рама сборника: четыре из шести составляющих его статей посвящены изучению конкретных субтекстов или субтекстовых групп, связанных с начальными десятилетиями XX века, и два исследования как бы оторвались от остальных, оборотившись вспять к явлениям столетней и более давности – к изображению в литературе Москвы периода наполеоновской оккупации и к Петербургу времен Екатерины II.

Такой временной разбег не лишает сборник внутреннего единства, ибо все статьи, независимо от отношения авторов к понятию «городской текст», так или иначе с этим понятием связаны и фактически являются метатекстовыми сегментами того объемного целого, которое принято именовать «Петербургским» или «Московским текстом» русской литературы.

И единство сборника и его неизбежную, даже необходимую в таких научных жанрах внутреннюю диалогичность отчетливо продемонстрировал автор предисловия к нему – известный славист, автор многих достойных работ по русской литературе Кирилл Постоутенко. Следует заметить, что предисловие это написано так емко и с такой точностью характеристик, что оно само могло бы стать наилучшей рецензией на сборник, интродукцией к которому явилось по замыслу редактора.

Большая часть статей (4 из 6) посвящена изучению различных аспектов, связанных с «Петербургским текстом» и образом Петербурга, но открывают сборник две статьи, посвященные Москве русской литературы: статья Сары Диккинсон, известной как автор работ о жанре путевых записок и сюжетах-путешествиях, в том числе и в русской литературе, – «Москва 1812 года: Сентименталистское эхо в повествовании о наполеоновской оккупации», и статья редактора сборника Иэна К. Лилли, известного российским филологам по ряду стиховедческих и иных по тематике статей и переведенной на русский язык книге «Динамика русского стиха» [Лилли, 1997], – «Женская сексуальность в предреволюционном “Московском тексте” русской литературы».

Первая статья представляет несомненный интерес не только для исследователей «Московского текста», но и для тех, кто сосредоточен на изучении творчества Л.Н. Толстого. Авторами работ о Толстом давно замечен анахронизм в прорисовке характеров главных героев романа «Война и мир», которые, будучи по

сюжету людьми начала XIX века, по типу мышления и мировосприятию более похожи на современников писателя. С. Диккинсон, не ставя задачу объяснить этот анахронизм, фактически вносит немалый вклад в его осмысление. Тот локальный, казалось бы, материал, связанный с отзвуками в тексте «Войны и мира» ранних произведений, описывающих Москву по свежим следам ее оккупации в 1812 году, который рассматривает исследователь (Батюшков, Жуковский, Ф. Глинка, Вяземский и многие другие), позволяет понять толстовский «механизм» темпорального сближения повествования если не с реальными событиями, то с его живой и близкой литературной рецепцией. Наличие в романе разных в ментальном и темпоральном плане уровней точки зрения задает своего рода эстетическую игру со сменой дальней и ближней фокусировки, отчего главные герои романа оказываются то «привязаны» к времени и событиям через не всегда явный интертекст, то, вырываясь из него, уходят в сферу сверхличного и надвременного. С. Диккинсон показывает, как сразу после 1812 года в русской литературе формируется вполне обозначивший себя по отношению к Москве интерпретирующий код, звеньями которого долго пользовалась русская литература, тематически связанная с наполеоновским походом на Россию.

Статья И.К. Лилли, на первый взгляд, может показаться традиционной по своим интенциям, ибо автор рассматривает Москву в сложившемся уже русле как город – носитель и выразитель женского начала. Однако данная универсалия, утвердившись, крайне редко конкретизируется как в плане типологическом, так и в плане индивидуальных писательских воплощений ее. И.К. Лилли интересуют именно оба указанных аналитических вектора, хотя сосредоточивается он в своем исследовании, как это и обозначено в заглавии статьи, на изучении женских ипостасей Москвы в творчестве писателей начала XX века, или, как Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев, перманентно ориентированных на российский, московский мир этого периода и нередко фиксирующих связь в нем женского и религиозного начал. Корни такого сопряжения уходят в глубины православия, представляющего, по мнению многих русских религиозных мыслителей, женскую по природе своей ветвь христианства. Таким образом, в пространстве Москвы, как показывает И.К. Лилли, встречаются, взаимно усиливая друг друга и друг в друга включаясь, два женских локуса – общегородской и церковный. В них или между ними (что зависит от сюжетной коллизии) существует героиня многих субтекстов «Московского текста» русской литературы.

И.К. Лилли в точной системе типологизации выделяет три разновидности таких героинь: 1) защитница семейных ценностей, не вступающая в конфликт с принятыми социальными нормами и, более того, эти нормы поддерживающая и укрепляющая; 2) героиня, обретающая себя и устраивающая свою жизнь вне замужества, но в границах принятых и одобряемых, либо, как минимум, не отвергаемых структур; 3) роковая женщина, социальный аутсайдер, каковой она становится по своей воле или по воле обстоятельств. Автор статьи рассматривает все три типа, проясняя их связь с «московским» началом. Москва в интерпретации И.К. Лилли предстает как место разыгрывания некоей пьесы с более или менее фиксированным текстом и определенным набором женских ролей, в качестве исполнителей которых может выступать, персонифицируясь, и сама опальная столица (Москва-вдова, например, или Москва-дева, Москва-блудница и т.д.). В целом статья И.К. Лилли привлекает аналитической глубиной, четкостью классификаций, счастливо избегающих жесткости, и очень корректным (что в этом случае особенно ценно) обращением с литературным материалом.

Статья Джорджа Е. Манро «Петербург Екатерины II: официальное просвещение и народные верования» – это глубокая работа историка, имеющего дело с проблемой крайне интересной и важной для постижения как петербургского, так и общероссийского смыслового ареала. Автор исследует соотношения в Петер-

бурге последней трети XVIII века нескольких культурных пластов: официальной культуры, официального и народного мифотворчества, официального и народного православия и, наконец, проявлений неканонического христианства – сектанства. Дж. Е. Манро рассматривает Петербург как поликультурный локус, как город множественных реальностей. Статья его отточена по мысли, богата отсылками к фактам и научным трудам, среди которых, правда, не оказалась упомянутой книга А. Эткинды «Хлыст» [Эткин, 1998], содержащая анализ большого материала, связанного с народной религиозностью, вполне проявившей себя в Петербурге XVIII-XX веков.

Петербург в литературе и филологической науке начала XX века стал предметом изучения в статьях Милицы Баньянин, Екатерины Юдиной и Эмили Джонсон. Автор первой из них известна своими работами о русской поэзии первых десятилетий XX века. В данном случае в статье «Поэтика улицы в творчестве Блока и Гуро» она рассматривает улицу как репрезентант Петербурга в целом, что, конечно, возможно, но чревато двойным риском – повторения известного (театральность Петербурга, герой-клоун, герой-актер, маски и т.п.) и утратой ощущения внутренних дефиниций, связанных у Блока, в частности, с различением улицы и переулка, который обладает особой семиотикой и особой физикой и метафизикой (прямызна улиц и извивы переулков). М. Баньянин не удается полностью избежать рискованных ситуаций, но это не означает, что вся первая часть статьи ее, посвященная разговору о Блоке, вторична в научном отношении. Автор оригинально и убедительно рассматривает три связанных с улицами аспекта поэтики Блока – визуальный, аудиальный и по-своему выраженный кинестетический, который коротко и емко можно обозначить английским *walking*.

Раздел, отведенный в статье изучению поэтики улицы в творчестве Е. Гуро, содержит много ценных и интересных наблюдений. Здесь изначально выбрана адекватная материалу и, вместе с тем, нестандартная позиция, представляющая героиню прозаических миниатюр Гуро в пространстве города как «a female flâneur». Отсюда вытекает актуализация всего, что связано с точкой зрения (в том числе и пространственной), с визуальным образным рядом (богатой и сложной колористикой, в частности) и с особой внутренней динамикой, ощущаемой Гуро и передаваемой ею в тексте. При сходстве в некоторых моментах с Блоком Е. Гуро в прорисовке улиц, по справедливому замечанию М. Баньянин, сохраняет «женскость» взгляда: ее мало интересует жесткость индустриальных проявлений города, но очень занимает многоликость персон, заполняющих его улицы. «Ее произведения, – пишет о Гуро М. Баньянин, – в плане эстетическом и этическом вливаются в модернистский поток великой английской традиции, представленной Т.С. Элиотом и Вирджинией Вульф» (с. 86; здесь и ниже ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц).

Е. Юдина, автор работ о К. Вагинове и русском авангарде, опубликовала в рецензируемом сборнике статью «“В тоске предельной поглядим назад”: Санкт-Петербург в автобиографической и коллективной памяти 1920-х годов», где рассматривает проблемы рецепции города, взятого в один из самых драматических моментов его истории – на пороге временного обрыва и утраты имени. Острота момента, вербально зафиксированного в текстах, потребность сохранения уходящего в личной и общей памяти привели в резко изменившихся обстоятельствах к актуализации выработанных ранее и уже устоявшихся образных рядов интерпретирующего кода, что, по мнению автора статьи, порождает своего рода плагиаризацию памяти, активизируя механизм заимствований из более ранних текстов. Природа этих заимствований связана с опознаваемостью, высокой репрезентативностью тех или иных образных элементов «Петербургского текста» русской литературы. Вместе с тем, по точному замечанию автора, уничтожение в 1920-х годах петербургской «вещественности» (к примеру, сжигание старых био-

графически значимых вещей в борьбе с наступающим холодом) опустошает мир и порождает в памяти и во времени разрывы, подталкивающие культуру к движению вспять, ко временам доисторическим, к периоду оледенения, грозящего бывшей имперской столице полным уничтожением. Автор статьи наглядно демонстрирует, как в интеллигентской индивидуальной и коллективной памяти устойчиво отыскиваются, чтобы текстово воплотиться и замедлить процесс крушения, следы бывшего Петербурга. Е. Юдина равно корректно и цельно работает и с литературным материалом и с визуализацией Петербурга в русской живописи, влияющими друг на друга и друг с другом взаимодействующими. Статья ее по своему значению далеко выходит за пределы проблем, так или иначе связанных с «Петербургским текстом» русской литературы, и помогает ясно увидеть связь и противостояние в критический период ментального и реального, идей (в платоновском смысле) и вещи, помогает понять переживания и поступки многих россиян в переломный момент отечественной истории.

Статья Э. Джонсон «Трансценденция и город: “Душа Петербурга” Николая Анциферова как эстетическая утопия» являет собой удачную попытку рефлексии по поводу рефлексии, попытку создания своего рода мета-метатекста. Основанием для данной работы служит положение, высказанное в начале ее: Н. Анциферов, по мнению Э. Джонсон, выступает в своих трудах о Петербурге не только как исследователь, но и как «петербургский писатель», как создатель объемного и значимого звена «Петербургского текста» русской литературы. В исследовании этого аспекта Э. Джонсон солидаризируется с автором предыдущей статьи сборника, к которой она и отсылает читателя, когда утверждает, что написанные в 1920-х годах книги Н. Анциферова во многом воскрешают ранние символистские принципы жизнестроительства и обращены лицом к эстетике и философии начала XX века. Так проявилась у автора «Души Петербурга» попытка защиты и сбережения бывшего при одновременном поиске корней происходящего, равно как и попытка психологической самозащиты человека культуры, брошенного историей в бездну разрушения и хаоса. В результате «Душа Петербурга» обретает, по мнению Э. Джонсон, черты утопии. Мысль эта, несомненно справедливая, была высказана в статье И.П. Смирнова «Петербургская утопия» [Смирнов, 1989], но там она была развернута не на материале трудов Н. Анциферова, а, исходя из них и включая их, на примере большого числа философских и художественных текстов, русских и зарубежных.

Э. Джонсон рассматривает первую из «петербургских» книг Н. Анциферова в широком литературном, культурном и биографическом контексте. В очерченном исследователем круге текстов предшественницей Н. Анциферова в плане исповедуемых им подходов названа Вернон Ли с ее знаменитой книгой об Италии, куда в русском издании помещена и ее основополагающая работа «Genius loci: Notes on Place» [Ли, 1914]. Говоря об этом, Э. Джонсон указывает на перекличку названия книги Анциферова с формулой «Genius loci» («Гений места»). Своими книгами о Петербурге, замечает автор статьи, Анциферов учит читателя видеть «подтекст» города, то, что выражено в его внешнем облике, и то, что скрыто за ним, учит понимать Петербург как исторический феномен. Такое прочтение работ Анциферова ярко демонстрирует актуальность их для нашего времени, для нового периода самоопределения, в котором Петербург как особый культурный и исторический знак играет и, видимо, сыграет еще немалую роль.

В заключение хочется отметить, что сборник «Москва и Петербург: Город в русской культуре» является продуктом нескольких конференций, но он, как пишет в «предуведомлении» его редактор И.К. Лилли, не есть традиционное собрание официально озвученных материалов, а результат внеаудиторных дискуссий, то есть той части всякой конференции, которая нередко бывает наиболее плодотворной. Это, как видно, и определило его внутреннюю связность, череду взаим-

ных отсылок, ту не всегда явную внутреннюю диалогичность, которую искусственно почти невозможно имитировать.

Литература

- Ли В. Италия. М., 1914.
Лилли И. Динамика русского стиха. М., 1997.
Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.
Смирнов И.П. Петербургская утопия // Анциферовские чтения. Л., 1989.
Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.
Эткинд А. Хлыст. М., 1998.

Н.Е. Меднис
Новосибирский государственный
педагогический университет

* * *

Н.А. Лукьянова. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Новосибирск, 2003.

Рецензируемое учебное пособие принадлежит перу известного лексиколога, автора ряда книг и учебных пособий, широко используемых в вузах страны. Новая книга Н.А. Лукьяновой нацелена на глубокое и основательное изучение широкого круга лексикологических проблем в их современном освещении с опорой на глубокие лингвистические традиции, сложившиеся в отечественном языкознании. Автор справедливо подчеркивает ключевой характер курса лексикологии в системе общей языковой подготовки студентов и аспирантов, в формировании их лингвистического мировоззрения и коммуникативной компетентности.

Отсутствие обобщающих учебно-методических пособий такого типа по лексикологии и базовая сущность слова, являющегося основной единицей языка и главным объектом лексикологии, многоаспектное изучение которого интенсивно продолжается, делает данное издание нужным, современным, актуальным. Книга имеет фундаментальный характер по глубине и широте освещаемых проблем, исчерпывающему знанию истории и современного состояния науки о слове, включает не только достижения ученых прошлого и настоящего, но и научные результаты, полученные самим автором. Рецензируемое пособие содержит информацию по смежным областям знаний: когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, теории коммуникации (ср. понятия *концепт*, *языковая картина мира*, *языковая личность*, *когнитивная семантика* и др., включенные автором в издание).

Одним из главных в методическом отношении достоинств рецензируемой книги, отличающейся глубокой научностью, логичностью в изложении, строгостью и продуманностью композиции, ясностью и непротиворечивостью понятийно-терминологического аппарата, верностью лучшим научным традициям, следует назвать ее ориентацию на эффективное усвоение в процессе обучения ключевых понятий и категорий лексикологии. Речь идет об идее практической реализации тезаурусного принципа в представлении знания, учитывающего структуру внутреннего лексикона студентов, формирующегося в процессе обучения. Это выражается, во-первых, в том, что, представляя понятийно-терминологический аппарат лексикологии, Н.А. Лукьянова вводит не только основные термины, но и их варианты и термины-синонимы. Во-вторых, программа курса, разработанная

автором, включает системное освещение ключевых понятий. Пособие содержит глоссарий – полный указатель терминов, расположенных по алфавитно-тематическому принципу, включающий родовые термины и видовые, объединенные в макро- и микросистемы.

Оригинальность рецензируемой книги заключается в том, что, наряду с традиционным «Предисловием», нацеливающим на последующее изложение (с. 4-6), авторской «Программой по лексикологии, фразеологии, лексикографии» (с. 7-33), значительное место занимают разделы «Литература» (учебная, словари лингвистических терминов, специальная) (с. 34-50), «Словари» (с. 51-99), «Глоссарий» (с. 100-142) и «Список известных российских лингвистов XVIII-XX вв.» (с. 143-144). Оправданность такой композиции очевидна. Она обусловлена, во-первых, необходимостью восполнить имеющиеся лакуны в учебно-методическом освещении лексикологических проблем, включая опору на новые научные достижения, во-вторых, ориентацией на самостоятельную научно-исследовательскую работу студентов и аспирантов (наряду с освоением обязательной литературы, отмеченной особым знаком, вдумчивый исследователь имеет возможность расширить свой информационный тезаурус, дополнительно ознакомившись с широким кругом имеющихся научных изданий).

Остановимся подробнее на краткой характеристике основных разделов пособия. Структура курса, отраженная в разделе «Программа», включает освещение подразделов: 1) *Объект и предмет*; 2) *Семантика слова*; 3) *Лексика как система*; 4) *Словарный состав современного русского литературного языка в функциональном, социолингвистическом аспектах и с точки зрения его происхождения*; 5) *Фразеология*; 6) *Лексикография*. В их содержательном освещении есть своя специфика. Так, в информации о предмете лексикологии нашли отражение новые тенденции в развитии данного раздела науки о языке (с. 7), осмысленного в широком научном контексте. Здесь (как и в других разделах) проявилась широта научной эрудиции автора, продемонстрирована многогранность научного изучения лексических единиц: лексем, ЛСВ, синлексем, лексико-фразеологических вариантов, составных, или гибридных, слов.

В разделе «Семантика слова» автор раскрыл многообразие разных подходов к определению лексического значения (реляционного, гносеологического, лингвострановедческого, лингвокультуроведческого, когнитивного), представил типологию лексического значения, дал понятие о его макро- и микрокомпонентах. Своеобразие авторской позиции появилось здесь в определении статуса *образности*, которая убедительно рассматривается Н.А. Лукьяновой «не как часть коннотации, а как особый целостный, неделимый компонент, выделяемый по соотносительности лексической единицы с образом как психической (ментальной) сущностью» (с. 12). Справедливым является и выделение в функциональном аспекте таких компонентов, как «стилевой» и «прагматический». Прагматические семы, например, рассматриваются автором «как речевые смысловые «наращения», обертоны смысла, отражающие различные интенции и целеустановки говорящего / пишущего лица, они относятся к актуальному смыслу» (с. 14).

Являясь известным специалистом в области изучения экспрессивной лексики, Н.А. Лукьянова вносит существенную детализацию в освещение коннотативного компонента семантики лексической единицы, представляя различные точки зрения на узкое и широкое понимание коннотации в современной семасиологии. Каждое связанное с этим понятие («эмотивность», «образность», «экспрессивность», «оценка», «экспрессив» и др.) рассматриваются разносторонне и в их взаимосвязи, включая изложение дискуссионных вопросов.

Глубоко и основательно освещается информация о понятиях, связанных с семной структурой лексического значения слова и семантической структурой слова в аспекте *язык / речь*. Как важный положительный момент следует отметить

ориентацию автора на описание межуровневого взаимодействия единиц языка и типологии слов в аспекте соотношения их лексической семантики, грамматики и синтаксических функций.

Представляя лексику как систему, автор определяет ряд понятий и соответствующих им терминов, обозначающих системные группировки слов: подсистема, фрагмент системы, макросистема, поле, группа, подгруппа, микросистема, ряд, лексическое поле и его разновидности.

В освещении внутрисловных отношений новым является понимание метафоры в когнитивном аспекте «как способа мышления, универсального «механизма» ценностного освоения человеком картины мира, как способа (формы) представления знаний» (с. 19), а также указание на многообразие аспектов изучения метафоры (семасиологический, ономасиологический, функциональный (лингвостилистический), лексикографический) (с. 19).

Следует отметить и многоплановое описание междусловных отношений в лексико-семантической системе русского языка. Лексический уровень предстает в его многообразных связях с другими уровнями в общей языковой системе; автором установлены прямые и скрытые связи различных лексических явлений между собой и явлениями других уровней языка. Благодаря этому в сознании студентов создается единое научное информационное поле, основанное на постепенно формирующемся непрерывном семантическом пространстве, коррелирующем с представленным в книге системно организованным понятийно-терминологическим аппаратом.

В качестве положительного момента в освещении социолингвистического аспекта лексикологии отметим имеющуюся в *Программе* автора характеристику современных тенденций и процессов развития и функционирования лексики русского литературного языка конца XX – начала XXI в.

В разделе «Фразеология», наряду с традиционными вопросами, важной, на наш взгляд, является информация о соотношении фразеологического значения с лексическим значением и указание на роль фразеологии в концептуализации действительности и вербализации знаний о мире.

Украшением пособия является раздел «Лексикография» и связанные с ним разделы «Литература» и «Словари». На самом современном уровне в книге представлены проблемы теоретической и практической лексикографии. Дана система основных понятий: *вокабула, дефиниция, способы семантизации языковых единиц в словарях разных типов, словарная помета, иллюстративный материал*. Выделены основные направления современной лексикографии (нормативная общая академическая, ненормативная, диалектная, двуязычная и многоязычная; сопоставительная, учебная, справочная, лингвоэнциклопедическая), а также дана исчерпывающая типология словарей, реализующая принципы многоуровневого, многокорпусного и многоаспектного описания языка.

С этой частью *Программы* курса перекликается раздел «Словари» и представленная здесь компактная схема типологии словарей. В разделе «Словари» нашли отражение более 750 различных лексикографических изданий, детально систематизированных, расположенных по хронологическому принципу начиная со словарей конца XVIII в. – до начала XXI в. О каждом издании дана необходимая и достаточная информация. Каждый словарь отнесен к определенному типу, подтипу, разновидности. В методическом отношении значимо то, что особым знаком отмечены словари, которые должны знать студенты-филологи 1-го курса.

Оценивая раздел «Литература», включающий списки учебных (53 источника) и специальных изданий (226 источников), словарей лингвистических терминов (57 названий), отметим, что в их число вошли наиболее значимые научные труды, включая новейшую русскую и зарубежную научную лингвистическую литературу. Автором пособия проделан огромный труд, связанный с систематизаци-

ей различных изданий разных лет по лексикологии. Собранный уникальный материал исключительно значим для студентов, аспирантов и преподавателей вузов и школ в плане самостоятельной исследовательской работы, для подготовки курсовых и дипломных сочинений, написания статей, рефератов и т.д.

Завершающий пособие раздел «Глоссарий», насчитывающий около 2 тысяч терминов и квазитерминов, построенный по алфавитно-тематическому принципу с указанием терминов-синонимов и вариантов, сгруппированных в макро- и микросистемы, трудно переоценить в методическом отношении. Понятийное поле, смоделированное строго логически с учетом многообразных терминологических связей, позволяет зримо очертить профессиональный лексикон лингвиста, изучающего данный раздел, а через это – увидеть место каждого конкретного лингвистического явления в общей системе лингвистических реалий. Думается, что в учебных изданиях нового поколения в XXI веке *Глоссарий* должен быть обязательным разделом ввиду его особой методической значимости.

Завершая обзор основных разделов рецензируемого пособия, отметим значимость публикуемого в нем списка известных русских лингвистов XVIII – XX в. в связи с необходимостью формирования лингвистической компетентности у студентов и аспирантов. Не случайно в школьных учебниках нового поколения представлена информация об ученых-языковедах и их вкладе в развитие лингвистики. Сведения об известных лингвистах, имеющиеся в книге, несомненно, важны для языкового воспитания студентов.

В целом все сказанное позволяет судить о том, что учебное пособие Н.А. Лукьяновой «Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография» (Новосибирск, 2003) посвящено актуальной теме, имеет несомненную научную и учебно-методическую значимость, является оригинальным изданием, которое, безусловно заслуживает переиздания большим тиражом для широкого использования в вузах России и может использоваться в преподавании лексикологии современного русского языка, в спецкурсах и спецсеминарах по фразеологии, лексической семантике и стилистике художественного текста.

*Н.С. Болотнова
Томский государственный
педагогический университет*